

Теофиль Готье

Двойственный рыцарь

Перевод Ф. Сологуба

Теофиль Готье. Два актера на одну роль

М., "Правда", 1991

OCR Бычков М. Н.

Что так опечалило светлокудрую Едвигу? Отчего она, склонив голову на руку и поставив локоть на колено, сидит в стороне от всех, грустная, как отчаяние, бледная, как алебастровая статуя, которая плачет над могилою?

Крупная слеза катится по ее нежной щеке,-- одна слеза, но никогда не иссякающая; как та капля воды, которая, беспрестанно падая с пещерных сводов, точит гранит, так и эта слеза, падая и падая из ее глаз на ее сердце, пронзает его насквозь.

Едвигу, светлокудрую Едвигу, или уже не веришь ты в Иисуса Христа, кроткого Спасителя? Или сомневаешься ты в милосердии Пресвятой Девы Марии? Почему ты держишь под сердцем свои маленькие руки, тонкие, исхудалые, нежные, как руки эльфов и вилис? Ты скоро будешь матерью; это твой драгоценный дар; а твой благородный супруг, граф Лодброг, принесет, по своему обету, алтарь литого серебра и чашу чистого золота в дар храму святого Этберта, если ты родишь ему сына.

Увы! увь! семь мечей скорби пронзили сердце бедной Едвиги; ужасная тайна тяготит ее душу. Несколько месяцев назад в замок пришел чужестранец; в ту ночь была ужасная погода: башни дрожали, флюгера скрипели, задувало огонь в камине, и ветер колотил в стекла окон, как докучливый, незванный гость.

Чужестранец был прекрасен, как ангел, но как падший ангел; он улыбался кротко и кротко смотрел, и, однако, этот взгляд и эта улыбка леденили ужасом и внушали страх, какой испытывают, наклоняясь над бездной. Как у тигра, подстерегающего добычу, какая-то гнусная нежность и коварная томность сопровождали все его движения; он прельщал, как змея чарует птицу.

Этот чужестранец был искусный певец; его смуглое лицо показывало, что он видал иные небеса; он говорил, что пришел из далекой Богемии, и просил гостеприимства только на ночь.

Он остался на эту ночь и еще на другие дни и другие ночи, потому что буря не утихала, и старый замок сотрясался до самого основания, словно ураган хотел разрушить его и повалить его зубчатую вершину в пенящиеся воды потока.

Чтобы скрасить это время, пришелец пел странные стихи, которые волновали сердце и возбуждали жестокие мысли; все время, пока он пел, ворон, черный и блестящий, словно агат, сидел у него на плече, отбивал такт своим клювом и словно рукоплескал, потрясая крыльями. Едвигу бледнела, бледнела, как лилия при луне; Едвигу краснела, краснела, как роза на заре, и опускалась в свое большое кресло, усталая, полуживая, опьяненная, как будто бы она надышалась роковыми запахами смертоносных цветов.

Наконец чужестранец может уйти,-- голубая улыбка озарила лицо неба. И с этого дня Едвигу, светлокудрую Едвигу плачет, все плачет, сидя в углу под окном.

Едвигу -- мать; у нее прекрасный ребенок, белый да румяный. Старый граф Лодброг заказал литейщику алтарь литого серебра, а золотых дел мастеру заплатил тысячу золотых монет, чтобы тот сделал чашу; будет она тяжела и объемиста и вместит добрую меру вина; если до дна осушит ее настоящая, так значит умеет он пить.

И бел, и румян ребенок, но темен взор его, как взор захожего певца: мать хорошо это видит. Ах, бедная Едвигу! Зачем ты так засматривалась на чужестранца с его арфой и его вороном?

Капеллан окрестил ребенка; ему дали имя Олуф, прекрасное имя! -- Кудесник взошел на самую высокую башню, чтобы составить для него гороскоп.

Погода была ясная и холодная; как волчья челюсть с острыми и белыми зубами, остоверхий гребень снежных гор изрезывал край небесной ризы; крупные и бледные звезды блистали в ночном голубом сумраке -- каждая, как далекое серебряное солнце.

Кудесник определил долготу места, отметил год, день и минуту; он сделал длинное вычисление